

Комната 15

ЧАРЛЬЗ ХАРРИС

INSPIRIA

Москва
2022

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Х21

Charles Harris

ROOM 15

Copyright © Charles Harris. The right of Charles Harris
to be identified as the Author

of the Work has been asserted by him in accordance
to the Copyright,

Designs and Patents Act 1988. First published in 2020
by Bloodhound Books.

Published by arrangement with Rights People, London
and The Van Lear Agency

Фотография автора — Donna-Lisa Healy.

Харрис, Чарльз.

Х21 Комната 15 / Чарльз Харрис ; [перевод с английского
С. М. Саксина]. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с. — (Ток.
Детектив в кубе).

ISBN 978-5-04-120271-2

Однажды инспектор полиции Росс Блэкли очнулся ночью посреди улицы, избитый, в странной одежде и... зимой. Хотя еще вчера была середина лета — лета позапрошлого года. С тех пор Росс сменил место жительства, изрядно продвинулся по карьерной лестнице, купил новую машину и даже успел обсудить с женой развод. Но ничего этого он не помнит. Его обнаруживает полицейский патруль и сразу же отправляет на место преступления — убийство молодой медсестры. Теперь детективу приходится делать вид, что с ним все в порядке, и вести сразу два расследования: по делу об убийстве — и в своем собственном сознании. И это второе расследование постепенно погружает его в состояние ужаса...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-120271-2

© Саксин С.М., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Посвящается Джэн, Ив и Чарли

Не нужно комнат привиденью,
Не нужно дома...

Эмили Дикинсон

Глава 1

Февраль 2011 года

До тех пор пока человек сам не окажется на скамье подсудимых, ему не осознать, как он на самом деле одинок и беспомощен. Стараясь не выдать свои чувства, я смотрю вниз, подобно тому, как окидывает взглядом открывшуюся ему картину альпинист, или зрители галерки смотрят на сцену. Внизу вижу адвокатов и их помощников, прокуроров, присяжных на отдельных скамьях, публику в зале и, разумеется, судью. Все так поглощены чем-то, так уверены в себе — все знают, что они будут делать сегодня вечером, на следующей неделе, через год. В то время как я сижу в обществе полицейских, не в силах представить свое будущее дальше чем на несколько дней, не в силах ничего сделать для своего спасения.

Только в самом начале меня о чем-то спросили, когда секретарь зачитал обвинения — четыре убийства, одно покушение на убийство и нанесение тяжких телесных повреждений. На каждое обвинение я ответил: «Не виновен», но голос мой прозвучал слабо. Мой собственный голос подвел меня. С тех пор на протяжении вот уже двух с половиной последних недель я молчал. Семнадцать мучительных дней и бессонных ночей.

Но наконец приходит мое время. Я встаю и покидаю скамью подсудимых, направляясь к кафедре для свидетелей, стараясь придать себе спокойный вид. Как будто я полностью уверен. Как будто в глубине души не жалею о том, что мой адвокат Стоун не настоял на своем, убедив ничего не говорить. Прокурор сидит, обложившись своими папками, полуприкрыв глаза, и ждет какого-нибудь сбивчивого моего ответа, который можно будет использовать против меня. Я прекрасно сознаю риски. Достаточно одной оговорки или неправильно понятого слова. И тут, к моему изумлению, когда я подвигаюсь на кафедру для свидетелей, открывается дверь на балкон для публики и моя жена появляется в зале суда впервые с начала процесса. Одетая в строгий темный костюм, она находит последнее свободное место в заднем ряду и садится. Я пытаюсь улыбнуться ей, показать, какие силы придало мне ее присутствие здесь, но она избегает встречаться со мной взглядом.

Воздух сухой и гнетущий — мне не нравятся эти современные залы суда без окон, полностью отрезанные от окружающего мира, — и сейчас здесь так тихо, как на моей памяти еще не было за последние две недели. У меня такое чувство, будто я попал в западню.

Оглядываюсь на присяжных. Для того чтобы признать меня невиновным, лишь требуется заронить им сомнение. В течение двух недель я наблюдал за ними, стараясь определить, есть ли у кого-либо из них хоть какие-нибудь сомнения. Молодая женщина в розовато-лиловом платке и пожилой мужчина на протяжении всех заседаний оставались бесстрастными, в то время как чернокожая женщина средних лет у них за спиной, сменяющая одну за другой желтые футболки, внимает про-

исходящему, разинув рот. Хорошо это или плохо, если один из присяжных потрясен? На кого мне можно надеяться — на рыжеволосую женщину, старательно делающую заметки, или на внимательного молодого индийца справа от нее, то и дело покачивающего головой?

Стоун отпивает воды из стакана и, оттолкнувшись от стола, медленно поднимается на ноги. Это выпускник частной школы, с взъерошенными волосами и лондонским акцентом, говорящий по-английски так, словно он выучил язык по слегка устаревшему словарю штампов; его любимые выражения — «недалеко от истины», «поддадим газу» и «если хорошенько поднапрячься». На предварительных заседаниях он демонстрировал профессиональную расслабленность, однако по ходу судебного процесса его небрежное спокойствие улетучилось, и это меня пугает.

Вчера вечером, в убогой комнате для встреч на первом этаже, залитой ярким светом, мы со Стоуном в очередной раз крупно повздорили относительно того, выступать ли мне в суде. Я заявил, что должен сказать свое слово. Стоун считал, что лучше мне этого не делать. Что я только все испорчу — покажу себя слишком холодным и бесчувственным. Я знаю, что порой меня считают холодным профессионалом. Я могу производить на окружающих впечатление человека бесстрастного, даже замкнутого, но таковы требования моего ремесла. Внутри я не такой. Я могу быть эмоциональным, как и все, и в любом случае у меня есть опыт дачи показаний в суде. Но, возразил Стоун, не в качестве обвиняемого.

Представитель полицейского профсоюза согласился с ним, но я настоял на своем, заявив, что выгоню их вон, если захочу, и сам буду представлять свои интере-

сы. Затем, когда мы уже были готовы вернуться в зал суда, Стоун неожиданно пошел на попятную. Сказал, что я могу дать показания, даже несмотря на то что он по-прежнему считает это ошибкой.

И вот сейчас, когда я стою на кафедре, Стоун сверяется со своими записями, поворачивается вполоборота ко мне, вполоборота к присяжным и произносит ровным тоном:

— Детектив-инспектор Блэкли, расскажите нам, что вы поняли первым делом вечером в субботу тринадцатого февраля две тысячи десятого года.

— Я понял, что идет снег.

Каждое мое слово тщательно подобрано. Я снова и снова прокручивал их в голове, пытаясь найти подводные камни, опасные ссылки, намеки, которые могут быть превратно истолкованы присяжными. Стараясь сохранить внешнее спокойствие, я жду следующего вопроса.

— Идет снег? — Стоун вопросительно поднимает брови, хотя, разумеется, он уже наперед знает ответ. — И почему это имело для вас такое значение?

— Потому что я думал, что на дворе лето. Я полагал, что это воскресенье, десятое августа две тысячи восьмого года.

Не кажется ли все это слишком медленным, слишком продуманным? Мысленно беру на заметку показать присяжным то, что я способен на сильные чувства, несмотря на все то, что они здесь слышали.

Стоун отрывается от своих записей. Я чувствую его нерешительность. Он снова смотрит на меня.

— А почему вы так думали?

И мы оба понимаем, что теперь обратной дороги нет.

Глава 2

Годом раньше

Суббота, 13 февраля 2010 года, 21.00

Что-то жутко не так. Идет снег, но на дворе август. Я поднимаю взгляд на кружащиеся в свете фонаря белые хлопья, и в этот момент мне прямо в ухо сигналист клаксон. Я раздраженно оборачиваюсь и вдруг вижу, что стою посреди улицы, плавно покачивающейся у меня под ногами. Но я не пьян, я в этом уверен. Водитель кричит что-то, я не разбираю его слова; он громко ругается и, рванув с места, уезжает прочь.

Что я здесь делаю? Ночь темная и ужасно холодная — не помню, чтобы летом было так холодно, — и, хлопая руками, чтобы хоть как-то согреться, я двигаюсь дальше туда, куда шел. Но куда я шел? С одной стороны тянутся тускло освещенные муниципальные дома. Вдалеке стоит погруженная в темноту церковь, устремив в небо свой черный шпиль. Я ее не помню. В другой стороне — неосвещенный автомобильный салон, за стеклом смутно видны призраки непроданных машин. С нарастающим ужасом я чувствую, что и его вижу впервые.

Двое прохожих, увидев происходящее, подходят ко мне. Один из них берет меня за руку и помогает подняться на тротуар.

— У тебя всё в порядке, приятель? — спрашивает он.

Я смущенно бормочу, что они напрасно беспокоятся. Второй мужчина всматривается мне в лицо.

— Принял лишнюю рюмку? Не хочешь сесть? В ногах правды нет.

— Нет-нет, всё в порядке, — говорю я.

Затем с ужасом замечаю, что он засовывает руку в карман моей флиски. Я бью его по руке, но он снова пытается вытащить мой бумажник. Я отталкиваю его, и он со смехом отходит прочь, бросая за спину:

— Алкаш несчастный!

— Я не пьян, — говорю я и пытаюсь схватить второго, но тот также отступает назад, размахивая руками, словно ничего не произошло.

Я пробую их догнать — но у меня болит нога, а эти двое здорово меня опередили и вскоре скрываются в переулке.

Остановившись, я учащенно дышу, прислонившись к стене, и пытаюсь сориентироваться. Я чувствую себя глупо и совершенно сбит с толку. Снег ложится на мостовую белой пеленой. У меня болит шея; я растираю ее и смотрю на снежные хлопья, плавно опускающиеся на землю, друг на друга. Затем отнимаю руку.

Она мокрая от крови.

Глава 3

Я стараюсь не поддаваться панике, дышать ровно. Что со мной происходит? Меня сбила машина? Я с кем-то подрался? Всмотревшись в свое отражение в лужице на асфальте, я вижу, что кровь течет из шеи слева и со лба, но, насколько можно судить, раны несерьезные.

Преодолевая боль, я с трудом опускаюсь на тротуар. Где-то в соседнем муниципальном доме смеется женщина, пугающий летний снегопад продолжается, снежинки скользят в свете фонаря. Я смотрю, как

кружащиеся белые точки опускаются мне на флиску и, блеснув, умирают. Флиски на мне качественная — «Патагония», темно-синяя, с отделкой, хотя и здорово поношенная, — но она явно не моя. Это не мой стиль. Как и дорогие модные джинсы и кроссовки «Тимберленд». Где моя обычная одежда — спортивный костюм «Маркс энд Спенсер» и куртка?

Вытянув ноги на ледяной земле, я вытираю руку о мокрый асфальт. Как могу, оттираю кровь, благодаря Бога за то, что никто не видит, как я сижу здесь словно нищий. Обыкновенно я практически в любых ситуациях сохраняю спокойствие и считаю, что нужно действовать по правилам, выбирать, каким путем двигаться дальше. Какая бы ни была проблема, путь непременно есть. Поэтому я стараюсь взять себя в руки, методично обыскивая карманы чужой флиски. Сначала нахожу дорогой незнакомый бумажник. Затем достаю сигнализацию от «Ауди» и связку ключей, которые вижу в первый раз, а также дорогуший смартфон «Блэкберри», также не мой. Теперь мне уже страшно. Я все это украл? В другом кармане нахожу еще один дорогой сотовый телефон. К моему удивлению, оба телефона отключены.

Пальцы у меня начинают неметь от холода, но мне удастся открыть бумажник, и внутри я, к своему облегчению, нахожу свое собственное удостоверение и водительские права. Хотя меня здорово удивляет вид большой пачки денег — обыкновенно я считаю за счастье, если у меня в кармане завалялась пара двадцаток. Положив бумажник и ключи на асфальт рядом с собой, включаю телефоны. Экран «Блэкберри» тотчас же заполняется: мои рабочие телефоны, и еще сотня сообщений из участка с вопросом, куда я пропал.

Переключаю внимание на второй телефон и просматриваю список контактов. Здесь также есть мои номера, в том числе личные, но затем я замечаю: на этом телефоне все сообщения удалены. В списке входящих вызовов всего два звонка, оба сегодня вечером, оба с одного номера. Я ищу этот номер в списке контактов, но его там нет. Как и на рабочем телефоне. Звоню по нему, но автоматический голос Сети отвечает, что абонент временно недоступен, а голосовой почты у него нет.

Ветер кружит, швыряя мне в лицо снежинки. Я хочу есть. У меня затекло тело. Мне нужно двигаться, но сидеть на земле не так страшно. Смотрю на часы — половина десятого. Мне нужно идти домой? Или в больницу? Но я не при смерти. Я просто забыл кое-что. Но многое помню: как меня зовут, где я работаю. Помню Лору. Как было бы хорошо вернуться домой к ней — в свою теплую постель, к своей теплой жене...

Но когда я силюсь вспомнить, что делаю здесь, у меня ничего не получается. Это какой-то экзамен, который я не могу сдать. Я не понимаю, что происходит, и это все больше меня пугает.

Но всему есть предел. Быть может, если я заставлю себя пошевелиться, это что-нибудь подтолкнет. Поэтому я распахиваю все обратно по карманам флиски и поднимаюсь на ноги. Предпринимаю еще одну попытку вспомнить, вернуться к тому моменту, когда обнаружил, что стою посреди улицы. Куда я направлялся? Откуда пришел? В качестве эксперимента я направляюсь в сторону погруженной в темноту церкви. Но всего через десять шагов отчаиваюсь. Это что-то не то. Я разворачиваюсь к закрытому автосалону. И это тоже не то.

Все бесполезно. В отчаянии я схожу с тротуара на мостовую, чтобы лучше оглядеться.

Как раз в этот момент за падающим снегом появляется синяя мигалка, приближающаяся ко мне. Я колеблюсь, не зная, как к этому отнестись. Патрульная машина останавливается, и полицейский сержант пристально смотрит на меня. Он чернокожий, средних лет, с округлым лицом.

— Сэр, — говорит сержант, — мы вас повсюду разыскиваем.

Глава 4

Это тот самый кошмар, который мучил меня в раннем детстве. Тень за дверью. Я не помню, что делаю здесь сейчас, но помню тот кошмар, хотя мне хотелось бы его забыть. Если выразить все словами, получится какая-то ерунда. Ночь за ночью я лежал без сна, не отрывая взгляда от двери, боясь заснуть. Если я засну, придет кошмар. Безликая тень, скорее звериная, нежели человеческая. Она стояла в темноте за дверью спальни, готовая наброситься на меня и вцепиться мне в лицо. Я просыпался в панике, не в силах отдышаться. Даже сейчас это воспоминание причиняет мне боль. Наверное, кошмар являлся мне несчетное число раз, и всякий раз мать прибегала ко мне в комнату. Это пока она еще была здоровой.

Миниатюрная женщина, мать была очень деятельной, словно именно она была виновата во всем плохом, что происходило со мной, даже в моих снах. Мать включала ночник и обнимала меня, а я лежал в кровати, всхлипывая, не в силах говорить, не в силах объяс-